

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 71—84
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.6

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 71—84
ББК 60.561.9
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.6

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК СПОСОБ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

К. В. Воденко, А. К. Дегтярев

Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт — НПИ) им. М. И. Платова,
г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия, vodenkok@mail.ru

Основная цель статьи — исследование гендерных стереотипов в сфере российского высшего образования, где в контексте актуализируемых мер по модернизации на организационно-кадровом, функциональном, социально-мотивационном уровнях гендерные стереотипы как осознание половых различий в качестве социально и профессионально обусловленных содержат реальные и потенциальные риски дисфункции и стагнации высшего образования. Отмечается, что сформировался новый гендерный порядок, направленный на достижение гендерных пропорций, не устраняющих эффект «стеклянного потолка» в гендерных отношениях. Авторы приходят к выводу, что в российском высшем образовании, несмотря на определенные позитивные сдвиги в гендерных отношениях, новый гендерный порядок, являясь шагом вперед по сравнению с предшествующим советским периодом, когда равноправие мужчины и женщины имело последствием закрепление гендерных диспропорций, не содержит тренда фундаментальных перемен через коренную ревизию сложившихся гендерных стереотипов.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерный порядок, высшее образование, академическое лидерство, социальные риски.

© Воденко К. В., Дегтярев А. К., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной помощи ведущим научным школам РФ (НШ-2582.2020.6) в рамках научного проекта «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0».

GENDER STEREOTYPES IN HIGHER EDUCATION: ACADEMIC LEADERSHIP AS A WAY TO NEUTRALIZE SOCIAL RISKS

K. V. Vodenko, A. K. Degtyarev

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation, vodenkok@mail.ru

The main purpose of this article is to study gender stereotypes in the field of Russian higher education, where, in the context of updated modernization measures at the organizational, personnel, functional, and socio-motivational levels, gender stereotypes as awareness of gender differences being socially and professionally determined contain real and potential risks of dysfunction and stagnation of higher education. The authors of the article in the formulation of the problem note that a new gender order has been formed, aimed at achieving gender proportions, but not eliminating the “glass ceiling” effect in gender relations. As the results of sociological studies show, even in the current situation, the personnel “bias”, the dominance of men in the management of higher education, the leadership of research groups and the maintenance of the image of a “wise mentor” in relations with young people, compared with women-actors of higher education, who are given the opportunity to realize cognitive resources, but the bar of low career expectations is stated. As a result, the authors of the article come to the conclusion that in Russian higher education, despite certain positive changes in gender relations, the new gender order, being a step forward compared to the previous Soviet period, where the equality of men and women was a consequence of the consolidation of gender disparities, does not contain a trend of fundamental changes through a radical revision of existing gender stereotypes. Thus, we can say that Russian higher education is influenced by gender stereotypes as barriers to improving the efficiency of the educational system, moving along the trajectory of academic leadership, for which the priority is to create equal conditions for academic mobility and academic career for higher education actors, regardless of gender stereotypes.

Key words: gender stereotypes, gender order, higher education, academic leadership, social risks.

Постановка проблемы

В российском обществе в контексте произошедших социальных трансформаций не только стали результатом социоструктурные и институциональные изменения, но и сформировался новый гендерный порядок. Исследуя возникшую социальную реальность, следует в первую очередь подчеркнуть, что мы являемся свидетелями сдвигов на социальных макро- и микроуровнях. Это выражается в том, что сформировались новые гендерные пропорции в политико-правовой и административной сферах, но главное — наполнились новым содержанием и обрели новый социальный облик гендерные стереотипы, алгоритмы социальной повседневности, определяющие гендерное взаимодействие в российском обществе.

Социальная реальность состоит в том, что, несмотря на попытки российских традиционалистов настаивать на домашнем и семейном статусах женщины,

доказывать, что истинное призвание российской женщины заключается в защите семейного очага, воспитании детей и оберегании общественных добродетелей, общественное сознание прошло точку невозврата к модели патриархата. Российское общество с большой натяжкой можно было бы назвать традиционным. Однако для большинства россиян семейные ценности в повседневности действительно являются базовыми. При этом имеются проявления декларативности, отрыва от реальной жизненной стратегии и не менее важные изменения модели семьи, переход к семье современного нуклеарного типа, трудности в формировании партнерских отношений и взаимответственности.

Гендерные стереотипы в российском обществе характеризуются гибридно-стью, противоречивостью разнонаправленных жизненных стилей, включающих ультрафеминистскую версию на крайнем фланге и гендерный радикализм в форме пережитков «мужского шовинизма». Однако модальностью гендерных стереотипов можно считать ориентированность большинства населения в гендерных отношениях на принципы прагматизма, взаимообусловленности ролей и комплексов поведения. Это выражается в том, что одобряемые гендерные стереотипы, которые формируются под влиянием фоновых (средовых) обстоятельств и воздействия СМИ и в настоящее время виртуальной сети, имеют расходящиеся векторы в зависимости от семейного, культурного и социального капитала, но определяются спецификой гендерных отношений в российском обществе.

В общем виде можно обозначить эту специфику как переход от индустриальной модели предшествующего периода, где при феномене «советская женщина» проявлялись гендерные диспропорции в виде двойственной семейной и трудовой нагрузки женщины, к модели «самоутверждение и завоевание новых высот». Действительно, в российском обществе проявляется эффект «стеклянного потолка», достаточно подробно исследованный за рубежом, но было бы неверно утверждать, что в гендерных отношениях не наблюдается никаких изменений.

В соответствии с позицией Ж. Т. Тощенко, российское общество парадоксально, характеризуется разрывами между реальными поведенческими практиками и провозглашаемыми социальными приоритетами [Тощенко, 2020]. В этом смысле гендерные стереотипы испытывают влияние когнитивного диссонанса в социальном взаимодействии. С одной стороны, не оспаривается необходимость гендерного равенства и признается негативизм социальной субординации, с другой — в социальной повседневности до сих пор привлекательным и предпочитаемым является «несправедливый» гендерный выбор. Это в концентрированном виде проверяется в сфере высшего образования, где гендерные отношения перестали быть функцией одного пола, где на среднем и низовом уровне практически доминируют женщины, но вместе с тем сфера высшего образования отстает от бизнеса и общественных структур по показателям социальной и карьерной самореализации женщин. Также нельзя обойти вниманием и воспроизводство дискриминационных практик в функциональных отношениях, диспропорции распределения социально-профессиональных ролей. До сих пор не преодолены последствия эпохи «лаборантов и младших научных сотрудников». Несмотря на то что высшее образование становится сферой научно-исследовательской деятельности, работает в ассоциации с академическими структурами, за исключением социогуманитарной и экономической сфер научно-исследовательской

деятельности нельзя говорить о значимом прогрессе в достижении гендерного равенства и приоритета.

Академическое лидерство, эффект изменения структурно-организационных и субъектно-деятельностных факторов в академическом пространстве выражается в переходе от традиций фундаментализма к модели прагматики, направленности на формирование инновационных знаний, закрепляющих традицию фундаментальности на новой основе, включающей использование новых информационных и коммуникативных технологий, цифровизацию экономики и дигитализацию высшего образования [Воденко и др., 2020]. Для мониторинга и диагностики происходящих изменений, связанных не только с обретением новых научных достижений, но с рукотворными и социальными рисками, возникает необходимость в системном анализе гендерных стереотипов в сфере высшего образования, так как при закреплении на уровне диспропорций социально-профессиональных ролей и поддержании установки на неравенство в форме мужского приоритета последствием является не столько необходимость формального достижения гендерного приоритета, сколько актуальность поиска новых стимулов для развития академического лидерства.

Учитывая тот факт, что в региональном пространстве, по сравнению с мегаполисами, сосредоточен высокий потенциал гендерных отношений, что выражается в социоресурсности женщин, занятых в сфере высшего образования, и невостребованности, неактуализированности социальных и профессиональных способностей и талантов, возникает необходимость проанализировать роль гендерных стереотипов в становлении нового типа академического лидерства и связанных с ним социальных рисков.

Теоретические основания

Г. Г. Силласте, анализируя особенности российского гендерного ландшафта, отмечает, что деформация отношений между гендерными общностями, социальными институтами влияет на формирование нового гендерного порядка [Силласте, 2019: 5]. Соглашаясь с тем, что речь идет о различиях между традиционным и посттрадиционным обществами, противоречиями между новыми гендерными нормами и правилами и тем, что воспринимается как привычки в традициях гендерных отношений, мы полагаем, что в гендерных стереотипах сконцентрированно отражается совокупность последствий парадоксов нового социального порядка.

Во-первых, в российском обществе, испытавшем влияние детрадиционализации предшествующего периода, мобильной модернизации, разрушившей домашний статус женщины, повлекшей ее функциональные отношения на производстве и сузившей сферу семейного влияния и традиционных семейных ценностей, в современной ситуации гендерные стереотипы характеризуют сохранение и воспроизводство гендерной диспропорции на субъективном уровне, восприятие как предпочтительного субдоминантного статуса женщины, за исключением бюджетных сфер социальной жизни.

Во-вторых, гендерные стереотипы, актуализированные в социальной повседневности, влияют на гендерный дискурс в общественно-политическом пространстве как неосознанные, неотрелексированные установки. Имеется в виду,

что вне зависимости от идеологических предпочтений в спорах либералов и патриотов неявным и явным образом обозначается стратегия «снисхождения к женщинам», когда мужчине отводится роль арбитра в разрешении гендерных конфликтов. Обратной стороной является то, что гендерная проблематика навязывается зависимостью от гендерного статуса наподобие того, как в советский период сфера межнациональных отношений закреплялась за представителями «народов СССР».

В-третьих, на социальном микроуровне, где проявляется преобладание женщин во всех сферах жизни (имеется в виду социально-демографический эффект), гендерные стереотипы объективно усиливают конкуренцию в гендерных отношениях; возникают проблемы, связанные с «дискриминацией мужчин», с тем, что можно характеризовать как реальный или воображаемый эффект ограничений по гендерному признаку при трудоустройстве, построении карьеры, установлении планки доходов.

Таким образом, социальной реальностью становится парадокс гендерных отношений, разрыв между действующими гендерными стереотипами и сдвигами в сфере социальной повседневности. Для реализации поставленной цели исследования требуется определить воздействие гендерных стереотипов, воспроизводимых в сфере повседневности, на академическое лидерство в сфере высшего образования, проанализировать то, что можно охарактеризовать как пограничную зону общественного дискурса в сфере гендерных отношений и образов гендера, привычек и правил, обуславливающих готовность к изменению гендерных отношений, связанных с переменной роли и статуса женщины.

Это важно в связи с тем, что существует определенный разрыв между исследованием гендерных отношений на социальном макроуровне, где накоплен значимый исследовательский материал и описаны эффекты и последствия гендерного равенства и гендерной дискриминации, и на социальном микроуровне, где исследования социальных настроений и социального самочувствия слабо отражают гендерную специфику, нацелены на определение гендерных стереотипов как исторически сложившихся представлений и установок в сфере гендерных отношений, но не учитывают, что в современном российском обществе гендерные стереотипы конструируются в контексте придания им замещающей и компенсаторной функций в изменившихся гендерных пропорциях.

Можно говорить о том, что гендерные стереотипы играют двусмысленную роль в отношении женщин в сфере высшего образования. С одной стороны, они внешне обеспечивают доступ к профессиональной деятельности, что является наследием предшествующего периода, провозгласившего равноправие женщин и мужчин как советских тружеников. С другой — определяют нацеленность на массовые профессии, лимитируя надежды и ожидания, связанные с научно-исследовательской деятельностью. Иными словами, формируется алгоритм профессиональной деятельности женщины, основанный на ее участии в качестве «младшего партнера». Последствиями являются упрощенность процедур профессионализации на нижнем и среднем уровнях профессиональной деятельности и латентные механизмы нейтрализации готовности к академической деятельности, определяемой фундаментальными научными разработками.

Нельзя с точностью утверждать, что наблюдается институционализация дискриминационных практик, в которых доминируют неформальные связи и схемы, когда «по сговору или умолчанию» преграждается путь для профессионального роста с академическими амбициями, но можно говорить о уязвимости позиции женщины, вознамерившейся стать полноправным членом академического сообщества.

В этом контексте требуется актуализация двух концептуальных условий. Первое связано с обоснованием теоретических принципов исследования гендерных стереотипов в сфере высшего образования, с тем чтобы определить их значение и роль в поддержании гендерного диспаритета. Второе связано с развитием научного исследования в направлении прогностики академического лидерства с учетом социальных рисков как последствия действия гендерных стереотипов. Поэтому теоретические основания исследования включают принципы субъектно-деятельностного подхода с использованием положений социально-диспозиционной теории и возможностей многофакторного анализа.

Результаты исследования

По итогам международной библиометрической информации, согласно данным 2018—2019 гг., был выявлен эффект гендерного дисбаланса, который выражается в том, что в международной академической мобильности участвуют 3030 российских ученых, но среди них только 439 женщин (14 % российских ученых, работающих за рубежом) [Малахов, 2019: 93]. Можно сделать вывод о том, что имеет место дискриминационный эффект, который объясняется рядом факторов. Гендерному дисбалансу способствует разрыв в академической репутации женщин и мужчин, представляющих российскую науку за рубежом. Кроме того, у женщин невысока степень международной академической мобильности, готовности к переезду в другую страну и освоению новой профессиональной социализации на международном уровне.

Гендерный дисбаланс на международном уровне соотносится с внутренними российскими показателями академической мобильности женщин, где разрыв сократился по сравнению с предшествующим периодом. Необходимо также отметить, что актуализированные гендерные стереотипы в сфере высшего образования способствуют формированию позиции субъективной оценки шансов, при которой академическая деятельность не является предпочитаемой с точки зрения оплачиваемости и признания.

Необходимо подчеркнуть, что академическая мобильность женщин и на внутреннем, и на международном уровне определяется «парадоксом» академической деятельности, разрывом между идеалами — ценностями поиска научной истинности, удовлетворением когнитивных интересов — и карьерно-профессиональными реалиями, что находит отражение в усилении влияния гендерных стереотипов «предопределенности» позиции женщины в академическом пространстве [Титова, 2014].

Не менее влиятельным фактором является укорененность стереотипа «планки достижения женщины», а в нынешнем контексте — и воздействие эффекта «борьбы с дискриминацией», в котором выражается избыточность «квотирования» и «администрирования», реально вызывающего отток женщин

из воспринимаемых на уровне гендерных стереотипов «мужских секторов» академической деятельности. Другими словами, закрепляются позиции разделения гендерных ролей, что в условиях спада академической активности в российском научном сообществе приводит к формальному закреплению за женщинами сфер, не требующих масштабного финансового и материального обеспечения, создающих эффект присутствия женщин в академической жизни, но при этом ограничивающих возможности в создании модели академического лидерства в сфере высшего образования.

Развивая это положение, можно говорить о том, что фактически женщины — акторы высшего образования — вынуждены исходить из «действующих» обстоятельств, не работая на академическую перспективу, что является барьером на пути развития академического лидерства в сфере высшего образования, которое обозначено как цель в рамках усиления инновационного потенциала высшей школы, но не имеет социально-практического влияния на повышение авторитета академического лидерства в рамках высшего образования. Действительно, сфера высшего образования ориентируется на конъюнктурные, хотя и оправданные в нынешней ситуации цели, достижение финансовой автономности как паритета между вузом и государством, укрепление связей в экономической сфере с заинтересованными бизнес-структурами для профессиональной карьеры выпускников, выполнение коммерческих заказов на решение прикладных задач.

Учитывая этот факт, можно сделать вывод о том, что ориентация на повышение участия женщины в академическом лидерстве содержит риски формализации, связанные с воспроизводством гендерного дисбаланса, определяемого логикой распределения финансовых ресурсов в гендерных отношениях по критерию окупаемости и доходности. Женщинам отводится роль «первопроходцев» с гарантированной низкой оплатой, в условиях неясности стратегических целей академического лидерства в высшем образовании, не содержащих перспектив академической мобильности.

Стоит оговориться, что приведенное выше суждение касается опосредованного влияния гендерных стереотипов при актуализированности ограничивающих академическую мобильность женщины в сфере высшего образования фоновых факторов. Но, как отмечалось ранее, для нас важно выявление внутренней природы гендерных стереотипов, их включение в социальные установки и деятельностные мотивации женщин в высшем образовании в контексте академического лидерства. Так как действуют асимметричные социальные обстоятельства, содержащие низкий уровень привлекательности академического лидерства как модели занятости и самореализации женщины в сфере высшего образования, стереотип «достаточной позиции», выражающийся в ориентированности на социально-стереотипную установку «действовать как остальные», содержит риск неподготовленности стартовой площадки для академического лидерства высшего образования [Лукинская, Чупина, 2012].

Речь идет о том, что для становления и развития академического лидерства требуется не только минимальная научно-техническая и организационная структура, определенный исследовательский задел в наиболее ожидаемом направлении академического лидерства, но и формирование групп академической активности, неформальных сообществ, акторов высшей школы, нацеленных

на формирование контуров действия в рамках академического лидерства как основного механизма модернизационного развития высшей школы в среднесрочном и долгосрочном измерениях.

Конечно, следует принимать во внимание региональную дифференциацию стартовых условий для академического лидерства в сфере высшего образования. Территориальное «соседство» вузов и академических структур, практика долгосрочных и регулярных связей в реализации академических проектов, традиции участия женщин в научно-исследовательской деятельности, адекватная политика по формированию кадрового ресурса создают или не создают доступ женщин к участию в реализации академического лидерства.

Исходя из принятых теоретических оснований исследования необходимо отметить, что признание объективных факторов требует определения воздействия субъектности женщин в рамках существующих гендерных стереотипов. Как отмечалось выше, гендерные стереотипы имеют социально-рискогенное воздействие на сферу высшего образования, так как лимитируют поведенческие практики женщин, закрепляют за ними «неконкурентные позиции», ослабляющие интерес к академическому лидерству. Можно ли в этом контексте говорить о гендерных стереотипах как парадоксальным образом социально обусловленных правах женщины в академическом лидерстве [Хеффе, 2007: 114].

Вероятно, гендерные стереотипы в сфере высшего образования в российском обществе, как свидетельствуют критерии участия женщин как акторов высшего образования, проявляются разнонаправленно, противоречиво. Речь идет о том, что они выполняют роль алгоритмов повседневности, воспроизводя автоматизмы социально-профессиональной деятельности. Но хабиитуализация, опривычивание формулы лимитированного участия, понимание традиций академизма как исторически сложившихся в пользу гендерного диспаритета определяют стагнационность в движении к академическому лидерству.

Действительно, создание стартовых площадок академического лидерства осложняется вне учета гендерных отношений в высшем образовании. Если по социально-демографическим и социально-профессиональным показателям женщины не являются воспринимаемыми на уровне гендерных стереотипов полноправными партнерами в академической среде, логика развития академического лидерства актуализирует необходимость поиска гендерных пропорций, способствующих профессиональной самореализации женщин как деятельностной мотивации для достижения общих целей.

Отмечая, что академическое лидерство — это неявный, но набирающий силы тренд развития высшего образования, не связанный с конъюнктурными обстоятельствами, а определяющий вектор долгосрочного развития образования, следует понимать, что акторы высшего образования еще не достигли той степени академической мобильности и академической мобилизации, которая являлась бы триггером в процессе формирования академического лидерства. Здесь важно уяснить три основополагающих момента.

Первый состоит в том, что академическое лидерство в сфере высшего образования имеет собственную специфику по сравнению с классическим академическим лидерством. Это обусловлено объективными структурными и институциональными параметрами и субъективными, связанными с установками,

представлениями и мотивациями акторов высшего образования относительно путей развития академического лидерства.

Второй момент определяется актуальным состоянием высшего образования, где анализируемые гендерные стереотипы интегрированы в сложившийся гендерный порядок, который во многом зависит от внутренних противоречий постсоветской государственной политики. М. А. Кашина, в частности, обоснованно ставит вопрос о теоретических противоречиях, порождаемых разрывом теории решения женских проблем в феминистской версии и практики их решения людьми, далекими от феминизма [Кашина, 2019: 6]. Для сферы высшего образования, где на высшем управленческом уровне наблюдается приоритет мужчин, неприятие феминизма выражается в отклонении модели гендерного баланса в рамках абсолютизации позитивной дискриминации в пользу женщин.

Третий момент заключается в следующем. Внутреннее противоречие государственной политики определяется и тем, что проявляется позиция притяжения гендерного равенства в основном через реализацию якобы заложенной в феномене женственности миссии материнства и доместификации (от англ. *domestication* — привязанность к дому, семейной жизни). Включение женщины в процесс академического лидерства, ее переориентированность на фундаментальную науку требуют интенсификации профессиональной деятельности, связаны с лимитом свободного времени и как следствие — с утратой возможностей заниматься семейной жизнью и воспитанием детей. Так как государственная политика содержит целью коррекцию социально-демографических проблем, нетрудно сделать вывод о том, что действует логика сопротивления новациям, ориентированным на стимулирование участия женщин в академическом лидерстве.

Актуальное состояние академического лидерства является контурным, не содержит сложившейся институциональной системы и выражается в режиме деятельности базовых институтов высшего образования. Это находит отражение в том, что перспективы и возможности академического лидерства определяются оценкой возможных рисков институциональных изменений, способствующих внесению элементов дезориентации и хаоса в сложившиеся институциональные отношения.

Также следует сказать, что академическое лидерство в сфере высшего образования как формирование режима производства фундаментальных знаний с ориентацией на внедрение новых технологий и новых типов интеллектуального труда зависит от информационной компетентности акторов высшего образования, где женщины достигли относительного паритета с мужчинами. Относительного в том смысле, что женщины как акторы высшего образования достигли в достаточной степени освоения информационных технологий в учебном процессе, но так как их участие в научно-исследовательской деятельности воспроизводится на вспомогательном уровне и в действительности сложившиеся научные школы и направления характеризуются гендерным перекосом, есть необходимость подчеркнуть трудности, связанные с переводом информационных компетентностей женщин на режим академического лидерства.

Это выражается в том, что действует стереотип недоверия к женщинам, к принятию женщинами ответственности за стратегические фундаментальные направления. Когда речь заходит о взаимодействии вузов с академическими

структурами, на первый план выходит позиция «мужского шовинизма», легитимированного тем, что женщины как акторы высшего образования не достигли высоких статусных позиций, что оптимальным является пересосредоточение перспективных научных кадров на направлениях академического лидерства, а женщинам как акторам высшего образования требуется создание условий для актуализации накопленных способностей в информатизации учебного процесса в вузе.

Здесь проявляется логика конструирования реальности, определяемая П. Бергманом и Т. Лукманом как инструментальное и сигнификативное использование объективации гендерных стереотипов [Бергер, Лукман, 1995: 63]. Инструментальное состоит в том, что действует принцип целесообразности: академическое лидерство не вызывает рисков, если действует сложившаяся институциональная система, не подвергающаяся противоречивым влияниям. Сигнификативное определяется знаковостью гендерных стереотипов как схем восприятия женщин в качестве полезных, но не творческих акторов высшего образования, которые не имеют сложившегося опыта работы в академической среде.

Таким образом, гендерные стереотипы в сфере высшего образования не работают на перспективу академического лидерства и можно предположить желательность изменений в пользу «соединения» нового типа академического лидерства и гендерных стереотипов в объективном и субъективном измерениях. Действительно, сфера высшего образования нуждается в том, чтобы начался процесс перехода от традиционных гендерных стереотипов к конструируемым. Но не наподобие феминистских, характеризующих радикализм по отношению к гендерным стереотипам. Речь идет о переформатировании стереотипов по схеме, описываемой П. Штомпкой как «присутствие прошлого в настоящем», влияющее на современность посредством утверждения позитивной памяти о роли женщин в развитии российского высшего образования [Штомпка, 2005: 263].

Это означает, что требуется актуализация усилий, направленных на ревизию гендерных стереотипов с целью легитимации участия женщин в академическом лидерстве в сфере высшего образования. К тому же новая модель академического лидерства не является дискриминационной, так как базируется на нейтрализации гендерных различий и ориентирована на критерии эффективности исследовательской деятельности на основе социально-практических результатов.

Актуальная нормативная культура не содержит обязательных ссылок на гендерные стереотипы как образец правильного поведения акторов высшего образования. Иными словами, предпочтение гендерных стереотипов является субъективным выбором и в виде массового образца формируется только в контексте проводимой на уровне высшего образования и государственной политики доместификации женщины в гендерных отношениях. Позитивным можно считать тот факт, что процесс доместификации вступает в противоречие со сложившимися социально-экономическими и культурными реальностями. Можно считать ошибкой предположение, что в сфере высшего образования, где появляется доминирование интеллектуального труда, гендерные отношения можно конструировать как воспроизводство традиционности.

В новой социокультурной реальности российского общества доминируют достиженческие установки как детрадиционализация социальной жизни, если учитывать спад патерналистских настроений. Гендерные стереотипы изменяются в пользу самостоятельности женщин, возможности строить собственную жизнь исходя из социальной самооценки и ориентироваться на логику повседневности. Академическое лидерство в этом контексте характеризуется вступлением женщин в «зону неопределенности», если учитывать, что современный мир — это мир, практически полный неопределенности. Участие женщин в академическом лидерстве создает ресурс уверенности в собственных силах, отражая такой значимый параметр академического лидерства, как работа в режиме «допущения непреднамеренных последствий». Можно сказать, что академическое лидерство формирует чувство рискоустойчивости, осознания различий между рисками, связанными с ситуацией, и рисками, имеющими системные последствия.

Проблема гендерных стереотипов в сфере высшего образования, связанная с достижением академического лидерства как алгоритма деятельности акторов высшего образования, формирующих и реализующих способности и навыки работать на опережение в удовлетворении теоретических и социально-практических запросов, результируется в парадоксальности состояния сферы высшего образования, где проявляются разнонаправленные тенденции влияния новых технологий, создающих интеллектуальный продукт и воспроизводство гендерных стереотипов, лимитирующих пределы участия женщин в академическом лидерстве [Гендерные отношения... , 2003].

Здесь, безусловно, определяющее значение имеет сложившийся дискурс гендерных отношений, в котором находит отражение «наследие прошлого» с идеей вовлечения женщин в активную общественно-экономическую деятельность, при этом производящий дискриминационный эффект отношения к женщине-труженику, не обладающей самостоятельными достиженческими позициями. Гендерные отношения в сфере высшего образования в российском обществе демонстрируют распространение взглядов, претендующих на актуальность разделения труда. Пример тому — сохранение монополии мужчин на высшее звено руководства в высшем образовании.

Ориентация на изменение, точнее коррекцию, гендерного баланса вызывает сопротивление со стороны управленцев, убежденных и убеждающих в том, что вызовы, стоящие перед высшим образованием, требуют «мужских» качеств, а женское участие в формировании академического лидерства как стратегического направления развития сферы высшего образования отмечается как партнерство в рамках сложившейся субординации отношений акторов высшего образования. Следует отметить, что формула современного академического лидерства, основанного на ресурсном потенциале сферы высшего образования, испытывает влияние дифференцированности образовательной среды, того, что российские исследователи в процессе долгосрочного социологического мониторинга определили как актуальную социальную проблему доступности и качества образования [Образование... , 2018].

Эта проблема весьма значима для использования потенциала женщин в плане развития академического лидерства. Сложившиеся гендерные диспропорции в выборе и предпочтении профиля в высшем образовании воспроизводят

эффект неполного участия женщин, что во многом является стагнационным фактором с точки зрения включения российского высшего образования в академическую мобильность и академическое лидерство в глобальном контексте (это отмечалось в ранее приведенных исследованиях) и для соотношения ожиданий, ориентаций, проектов, с которыми связывается академическое лидерство внутри российского высшего образования.

Как упоминалось, запуск академического лидерства в сфере высшего образования определяется и стартовыми условиями, возможностями женщин работать в автономном режиме, обосновывая свой статус как равноправных партнеров гендерных отношений, и укреплением убеждений в том, что их участие не носит конъюнктурного характера, они не являются заложницами сиюминутных решений и что с академическим лидерством можно прочно связать профессиональную карьеру. Гендерные стереотипы в высшем образовании, которые, как мы выявили, оправдываются тем, что уходят в историческое прошлое, в реальности конструируются в рамках позиции «латентного мужского превосходства». Неслучайно, когда речь заходит о возвращении к «золотому веку» российского высшего образования, приводятся факты, имеющие характер исторической одномерности, академической традиции — в основном как воплощение идеала содружества мужчины и женщины, работающих в качестве наставника и помощника.

Выводы

Сегодня социальные роли в сфере высшего образования в российском обществе не выступают в качестве жестко заданных и проявляются в стремлении устранить гендерные диспропорции, связанные с дискриминационным эффектом карьерно-профессиональных возможностей. Однако обозначается перевод гендерного дисбаланса в культурную обусловленность, в традицию академизма, что якобы определяется естественностью гендерных стереотипов, тем, что акторы высшего образования исходят из исторически сложившихся алгоритмов деятельности в гендерных отношениях.

Проблема «перезагрузки» гендерных отношений, значимая для перспективы академического лидерства в сфере высшего образования, таким образом, состоит в том, чтобы выявить границы и возможности сотрудничества акторов высшего образования в зависимости от реального личностного потенциала, основанного на реализации принципа социальной меритократии, справедливости распределения благ и ресурсов в соответствии с вкладом в развитие академического лидерства. Конкретизируя это положение, следует, во-первых, говорить о том, какие условия созданы для поддержки инициатив женщин для участия в развитии академического лидерства в сфере высшего образования. Во-вторых, нельзя пройти мимо вопроса о том, как укрепить стратегию участия женщин в академическом лидерстве, застолбить уже достигнутые результаты, определить потери и успехи и позволить оптимальным образом сочетать наработанные навыки деятельности и способности к производству научных инноваций. В-третьих, следует помнить, что формула современного академического лидерства в сфере высшего образования не направлена на демонстративный демократизм гендерных отношений; она определяется реальными результатами коллективного творчества, тем, что можно назвать самореализацией акторов высшего образования.

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иваненко Н. С. Академическое лидерство: движение к транспрофессиональной идентичности в региональном пространстве высшего образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2020. № 5. С. 33—41.
- Гендерные отношения и гендерная политика в вузе / под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 358 с.
- Кашина М. А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 3—13.
- Лукинская Л. А., Чупина В. А. Преодоление гендерных противоречий в системе высшего профессионального образования // Образование и наука. 2012. № 1. С. 106—114.
- Малахов Б. А. Гендерный аспект в международной мобильности российских ученых // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 88—99.
- Образование и социальная дифференциация / отв. ред. М. Карной, И. Фруммин, Н. Кармаева. М.: Высш. шк. экон., 2018. 456 с.
- Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4—13.
- Титова М. М. Гендерные аспекты лидерства: сравнительный анализ на основе поведенческих и ситуационных подходов // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 2. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/02/3811> (дата обращения: 18.10.2020).
- Тоценко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией: (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.
- Хеффе О. Справедливость: философское введение. М.: Праксис, 2007. 190 с.
- Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

References

- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge], Moscow: Medium.
- Heffe, O. (2007) *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie* [Justice: a philosophical introduction], Moscow: Praxis.
- Karnoi, M., Frumin, I., Karmaeva, N. (eds) (2018) *Obrazovanie i sotsial'naia differentsiatsiia* [Education and social differentiation], Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Kashina, M. A. (2019) Postsovet'skaia gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin [Post-Soviet state policy towards women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Lukinskaia, L. A., Chupina, V. A. (2012) Preodolenie gendernykh protivorechiĭ v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniia [Overcoming gender contradictions in the system of higher professional education], *Obrazovanie i nauka*, no. 1, pp. 106—114.
- Malakhov, B. A. (2019) Gendernyi aspekt v mezhdunarodnoi mobil'nosti rossiiskikh uchenykh [Gender aspect in the international mobility of Russian scientists], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 88—99.
- Shtompka, P. (2005) *Sotsiologiya: Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: Analysis of modern society], Moscow: Logos.

- Sillaste, G. G. (2019) Stranovoi gendernyi landshaft kak faktor formirovaniia novogo gendernogo poriadka, ego sotsial'nye riski [The country's gender landscape as a factor in the formation of a new gender order, its social risks], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—13.
- Titova, M. M. (2014) Gendernye aspekty liderstva: sravnitel'nyi analiz na osnove povedencheskikh i situatsionnykh podkhodov [Gender aspects of leadership: a comparative analysis based on behavioral and situational approaches], *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, no. 2, available from <http://ekonomika.snauka.ru/2014/02/3811> (accessed 18.10.2020).
- Toshchenko, Zh. T. (2020) *Obshchestvo travmy: mezhdú èvoliutsiei i revoliutsiei: (Opyt teoreticheskogo i èmpiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution: (Experience of theoretical and empirical analysis)], Moscow: Ves' Mir.
- Trubina, E. G., Litovskaia, M. A. (eds) (2003) *Gendernye otnosheniia i gendernaia politika v vuze* [Gender relations and gender policy at the university], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Vodenko, K. V., Degtiarev, A. K., Ivanenko, N. S. (2020) Akademicheskoe liderstvo: dvizhenie k transprofessional'noi identichnosti v regional'nom prostranstve vysshego obrazovaniia [Academic leadership: the movement towards a transprofessional identity in the regional higher education space], *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)*, seriia Sotsial'no-èkonomicheskie nauki, no. 5, pp. 33—41.

Статья поступила 12.12.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия, vodenkok@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation).

Дегтярев Александр Константинович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия, rse1985@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation).